

**ЗАЛОЖИТЬ НЕПРЕМЕННО СОБСТВЕННО КИРГИЗСКИЙ
ЦЕНТР: НАЦИОНАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ
РАЗМЕЖЕВАНИЕ И СТОЛИЦЫ КАЗАХСТАНА***

Дина Аманжолова

Институт российской истории РАН,
Москва, Россия

**TO ESTABLISH A PROPER KYRGYZ CENTRE:
NATIONAL AND TERRITORIAL DELIMITATION
AND THE CAPITALS OF KAZAKHSTAN**

Dina Amanzholova

Institute of Russian History
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

This article considers the interconnection between national and territorial delimitation in the Central Asian region in the 1920s and the relocation of the Kazakh ASSR's capital from Orenburg to Kzyl-Orda and then to Alma-Ata. Referring to documents, the author demonstrates how the Kazakh ethnopolitical elite used the new opportunities that emerged in this regard to ensure the national character of the Soviet autonomous region in the way that seemed the most appropriate to them. Orenburg, which became its capital upon the establishment of the Kazakh ASSR in 1920, did not look suitable; besides, the autonomous authorities had to take into account the presence of the independent authorities and management of Orenburg Province, whose representatives also experienced discomfort due to the city's dual status. When interacting with the centre, represented by the Politburo and the Central Committee of the CPSU(b), the national leaders of Kazakhstan put forward various options for internal reorganisation and the accumulation of all possible resources in

* Citation: Amanzholova, D. (2021). *To Establish a Proper Kyrgyz Centre: National and Territorial Delimitation and the Capitals of Kazakhstan*. In *Quaestio Rossica*. Vol. 9, № 1. P. 341–360. DOI 10.15826/qr.2021.1.583.

Цитирование: Amanzholova D. *To Establish a Proper Kyrgyz Centre: National and Territorial Delimitation and the Capitals of Kazakhstan* // *Quaestio Rossica*. Vol. 9. 2021. № 1. P. 341–360. DOI 10.15826/qr.2021.1.583 / Аманжолова Д. *Заложить непременно собственно киргизский центр: национально-территориальное размежевание и столицы Казахстана* // *Quaestio Rossica*. Т. 9. 2021. № 1. С. 341–360. DOI 10.15826/qr.2021.1.583.

their hands. The so-called “Europeans”, i. e. Moscow envoys who led the autonomous region’s party organisation, were not only to mediate between the centre and the local elite but also establish a balance between the competing factions within it. The author also focuses on the rivalry between Kazakh politicians and the authorities of the Turkestan ASSR and the struggle for the inclusion of Tashkent and nearby Turkestan territories inhabited by Kazakhs into the Kazakh ASSR. This exposed intra-elite contradictions caused by the regional and ethno-social factors of nation-building and competition for financial, economic, administrative, and organisational resources. The article demonstrates that complex natural and climatic conditions, the nomadic nature of Kazakh society and its negligible degree of urbanisation, and a lack of proper infrastructure played a special role in the geography of Kazakhstan’s capital in the 1920s. In the context of accelerated modernisation, the government sought to combine the policy of national self-determination with ensuring the manageability and stability of a culturally complex region and strengthening interregional economic connections. The “migrations” of the Kazakh capital were also connected with the need to create an example of successful interaction between Moscow and national elites, as well as form an ethno-cultural centre that met symbolic requirements.

Keywords: USSR, Kazakh ASSR, delimitation, capital, ethnic policy, ethnic elites

Рассматривается взаимосвязь национально-территориального размежевания в Центральном-Азиатском регионе в 1920-е гг. с перемещением столицы Казахской АССР из Оренбурга в Кызыл-Орду и затем в Алма-Ату. На основании документов показано, каким образом казахская этнополитическая элита использовала открывшиеся в связи с этим возможности для подлинного, как ей представлялось, обеспечения национального характера советской автономии. Оренбург, ставший столицей с образованием Казахской АССР в 1920 г., выглядел для этой цели малопригодным, к тому же руководству автономии приходилось считаться с наличием самостоятельных органов власти и управления Оренбургской губернии, представители которых также испытывали дискомфорт в связи с двойным статусом города. В процессе взаимодействия с центром в лице Политбюро и ЦК ВКП(б) национальные лидеры Казахстана выдвигали разные варианты внутреспубликанского переустройства и аккумуляции всех возможных ресурсов в своих руках. Так называемые «европейцы» – посланцы Москвы, руководившие партийной организацией автономии, должны были не только стать посредниками между центром и местной элитой, но и устанавливать баланс между конкурирующими группировками внутри нее. Обращается внимание на соперничество казахских деятелей с руководством Туркестанской АССР и на борьбу за включение Ташкента, а также близлежащих территорий Туркестана, населенных казахами, в состав Казахской АССР. Это обнажило внутривидные противоречия, обусловленные региональными и этносоциальными факторами нациестроительства, конкуренцией за обладание финансовыми, хозяйственными, административными и организационными ресурсами. Показано, что особую роль в столичной гео-

графии Казахстана в 1920-е гг. играли сложные природно-климатические условия, кочевой характер казахского общества при ничтожной степени его урбанизации, отсутствие должной инфраструктуры. В условиях ускоренной модернизации власть стремилась совместить политику национального самоопределения с обеспечением управляемости и устойчивости культурно сложного региона, укреплением межрегиональных экономических связей. Выбор и «перекочевки» столицы Казахской АССР были также связаны с необходимостью создать пример успешного взаимодействия Москвы и национальных элит, а также удовлетворяющий символическим требованиям этнокультурный центр.

Ключевые слова: СССР, Казахская АССР, размежевание, столица, этническая политика, этнические элиты

«Перекочевки» центра Казахской АССР в 1920-е гг. не просто отразили специфику республики с самым многочисленным кочевым народом, особыми природно-климатическими, хозяйственными условиями и экономическими связями. Сам характер организации общества с его перманентной мобильностью как будто «оправдывал» перемещения столицы вплоть до окончательного и экстремального, трагического для народа перехода к оседанию вследствие коллективизации. Основную роль в этом процессе играли фактическое отсутствие обеспеченных должной инфраструктурой национальных городов, региональные социально-экономические и этнокультурные различия, соперничество внутри казахского политического кластера и расхождения по поводу необходимой «глубины» этнической приватизации власти путем географической локализации столицы как символа самоопределения. В той или иной степени эти факторы и обстоятельства истории столиц Казахстана получили отражение в современной историографии [Аканов, с. 160–165; Аманжолова; Любичанковский, Аканов], однако конкретно-исторические сюжеты в их целостном представлении с учетом новых источников дают возможность для определенных уточнений и выводов в контексте проблем советского нацистроительства.

Перемещения столицы давали импульс разностороннему развитию региона, где она «останавливалась», а также некоторой перестановке в составе элиты. В связи с национальным размежеванием возникли разные варианты переструктурирования КАСР и местоположения ее столицы. Особую чувствительность при перераспределении центров распоряжения административными, финансовыми, организационно-управленческими ресурсами, которые были к тому же ограничены и почти перманентно трансформировались, приобрели внутриэлитные альянсы и противоречия.

В полной мере выявились свойства этнополитической элиты как важнейшего фактора нацистроительства. В апреле 1924 г. Г. В. Чичерин писал И. В. Сталину:

...Настроение киргиз, которые вовсе не хотят прекращения теперешнего положения в Ср. Азии и, в частности, вовсе не хотят уступить узбекам весьма лакомые куски и, с другой стороны, не хотят слиться с Оренбургом и подчинить киргизскую часть Ср. Азии Оренбургу... <...> Спор о границах новых национальных объединений ведется с большой страстью. Киргизы решительно против передачи Аму-Дарьинской области и киргизо-каракалпакской части Хорезмской республики Узбекистану.

Они соглашались на выделение казахской части Голодной Степи, но предлагали «вопрос о присоединении к той или иной республике оставить открытым... Самое рациональное разрешение было бы, конечно, образование из Ташкента центра для среднеазиатской советской федерации. Но этот план целиком зависит от разрешения вопроса о самой федерации». На месте же «существуют два диаметрально противоположных течения: узбеки самым категорическим образом высказываются против образования среднеазиатской федерации, киргизы – за необходимость образования таковой». При этом если узбеки и туркмены, предварительно стоворившись, выступали единодушно, казахские руководители не имели «такой сплоченности и единодушия» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 86. Д. 24. Л. 13–14, 24–27].

Велись активные дискуссии и по поводу других вариантов. Еще в 1922 г. Киробком партии и КЦИК приняли решение о немедленном переводе центра в Сыр-Дарьинскую губернию, «выпросив у Турк-республики для этой цели 2 уезда» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 365. Л. 105]. В мае 1924 г. 19 делегатов партконференции республики, в том числе глава СНК С. Сейфуллин, четыре наркома и один заместитель наркома, обратились с «совершенно секретной, личной» докладной запиской к члену ЦК РКП(б) Я. Э. Рудзутаку и затем к ответсекретарям и членам Политбюро. Они считали необходимым «разрешить немедленно» перенести центр в Ташкент и присоединить к КАССР две туркестанские области с казахским населением:

Оренбург не является ни культурным, ни тем более хозяйственным центром в Кирреспублике. В Оренбургской парторганизации не имеется почти ни одного киргиза, а потому она [как] по методу своей работы, так и по запросам партийной жизни стоит на особом положении среди Кир-парторганизации [Там же].

Как писал в ЦК партии 31 мая 1924 г. и. о. ответсекретаря Киробкома Г. Дунаев, представители запада республики в руководстве во главе с С. Мендешевым значительно лучше осознали значение единства территории и центра автономии, несмотря на присутствие у них групповых и родовых мотивов, ожидая решения Москвы по поводу судьбы Ташкента и Омска. При этом «все группировки сходятся на требования присоединения к Киргизии и на перенесении в Ташкент Всекиргизского центра». Сейфуллин и его сторонники предлагали «проект

деления Киргизии на три области, Южную с центром в Ташкенте, Западную с центром в Оренбурге и Восточную с центром в Омске», но это «будет равносильно созданию трех автономных Киргизских республик». Ташкент как административный и хозяйственный центр подходит меньше, чем Оренбург: «как если и не национальный центр, то все же восточный город будет притягивать к себе стремления большинства киргизских работников, и вопрос о перенесении в него центра явится предметом постоянных требований, недовольства и склок». Поначалу посланцы центра резко возражали против самой идеи отдельных этнотерриториальных образований [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 31. Д. 24. Л. 1–5; ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 94. Д. 582. Л. 244–246].

По данным зампреда Средазбюро ЦК РКП(б) О. Я. Карклина, секретаря Казкрайкома партии С. Ходжанов горячо отстаивал передачу Ташкента КАССР, так как он «исторически представляется не чем иным, как узбекско-сартовской колонией на территории киргиз-кочевников» и «имеет исключительно решающее значение для киргизского населения Туркестана в качестве его единственно-культурного центра», поэтому формальный отрыв города от Казахстана будет противоречить принципам советской власти в национальном вопросе. Несмотря на решение Политбюро, Киробком в августе решил снова возбудить вопрос «о разрешении, хотя бы в квартирном отношении, перенести центр Киргизии в Ташкент». Таковую же позицию «со всей решительностью» отстаивало представительство КАССР при ТурЦИК, называя Ташкент «киргизским Самаркандом», культурным центром казахов и их рынком. Ходжанов, Асфендиаров и другие казахские деятели ТАССР предлагали создание среднеазиатской федерации с включением в нее Казахстана. «Ходжанов, – писал Карклин, – полагает, что если киргизы нынешней Туркеспублики отойдут к Кирреспублике, то они (киргизы) будут проклинать тех, кто придумал такой проект», а образование республик расцвет единый живой организм, жизнеспособной будет лишь Узбекская Республика с зависимостью от нее остальных, и обострится национализм.

Заместитель Наркомнаца Г. И. Бройдо тогда же, говоря о максимальной концентрации «национальной войны» вокруг города, тоже видел выход в создании среднеазиатской федерации с «вольным» Ташкентом как общедолевой принадлежностью. Он предлагал включить казахские земли в состав такой федерации, поскольку иначе усложнится конструирование единого экономического района, резко обострится «националистическая борьба». Бройдо рассчитывал и на будущее присоединение к «среднеазиатскому союзу» Кашгарии и Кульджи. В пользу Ташкента он указывал, что партийное руководство в Семиречье вырабатывается на основе «средневековых феодальных родовых отношений, а не оренбургских», и Ташкент «обучил значительно лучше и глубже ташкентских железнодорожников нашей национальной политике», тогда как оренбуржцы «в смысле понимания нашей национальной политики отстали». Он предлагал

«поставить вопрос о мифическом единстве Кирреспублики», так как «его нет», многие районы почти не знают советской власти и руководства Оренбурга, вследствие чего нужно соединить Букеевскую орду с Калмыцкой областью в отдельную автономию, Адаевский район передать в Хорезм, а северо-восточные районы исключить из КАССР и «обслуживать» как нацменьшинства Сибири плюс «вымежевать» Оренбург с уездом и частью Уральской области [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 566. Л. 23–25, 27, 31–39; Оп. 31. Д. 24. Л. 4 об. –5, 9; ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос, кн. 1, с. 213, 215, 219].

4 июня Оргбюро ЦК обсуждало проблемы размежевания с участием всех заинтересованных сторон [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 395. Л. 33] и вопрос о положении в парторганизации КАССР. Ходжанов тогда же отстаивал идеи среднеазиатской федерации и превращения Сыр-Дарьинской области в опорную для КАССР, без чего она останется «разобщенной и безжизненной республикой» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 566. Л. 40–43, 49]. В письме в Средазбюро он заявил, что по их вине «практическая работа по нацразмежеванию Средней Азии объективно превращается в межнациональную перепалку внутри партии и среди беспартийных масс», и обвинил их в противодействии объединению казахов. На экстренном заседании 3 сентября Средазбюро признало форму письма Ходжанова недопустимой, а его претензии – не соответствующими действительности [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 739. Л. 62–64]. Зеленский 29 августа заявил: «Несколько осложняется дело с подысканием столицы для Киргизской Республики. <...> Таким центром будет или Чимкент, или Аулие-Ата, но ни в коем случае не Оренбург». Он не может быть местом «запаса культурных ценностей нации», так как «находится в центре европейского населения» и на самой окраине КАССР [Вехи консолидации, с. 79–80].

С началом размежевания Киробком и его пленум 8 июля, 14 и 28 сентября 1924 г. вновь приняли решение о переносе столицы в Чимкент. Член Оргбюро ЦК РКП(б) Л. М. Каганович считал, что оренбургская парторганизация «является все же в Кирреспублике наиболее пролетарским центром и имеет определенный вес в краевой организации». В проекте Средазбюро ЦК о размежевании был пункт: «Ввиду наличия претензий в вопросе о г. Ташкенте со стороны киргизских работников считать, что г. Ташкент должен быть отнесен к Узбекской Республике». Оргбюро 4 июня 1924 г. приняло его за основу, 11 октября Политбюро оставило в силе передачу Ташкента Узбекистану. В постановлении был п. 4:

Не возражать в принципе против вхождения Кирреспублики на договорных началах в СССР¹, считать необходимым отложить практическое проведение этого решения впредь до выяснения опыта работы Кирреспублики на новых началах и в новых границах и предложить

¹ Имелось в виду преобразование КАССР в союзную республику.

Киробкому провести через советские органы Кирреспублики соответствующее постановление. Предложить Киробкому воспрепятствовать дальнейшему обсуждению вопроса как в партийных органах, так и в беспартийных массах.

Признавалось возможным в случае необходимости пребывания в Ташкенте административного центра управления (не крупнее уездного) близлежащих районов КАССР. Абсолютно недопустимо было переносить вопрос на обсуждение и резолюции по советской линии без предварительного решения ЦК партии. ЦКК поручалось расследовать, как делу был дан ход по этой самой советской линии (по существу, единственно правомочной решать такие вопросы), и наказать виновных за нарушение партдисциплины. Оргбюро ЦК надлежало подготовить комиссию для срочной разработки форм управления Кирреспублики и определения ее будущего центра.

В связи с противоречиями при распределении хозяйственных ресурсов Политбюро решило создать подчиненный СТО СССР и его уполномоченный орган по управлению хозяйством Средней Азии, причем в вопросах местного значения органы управления водным хозяйством работали под наблюдением власти республики, на территории которой находились в том числе переданные КАССР области Туркестана. Распределение капиталов и сырьевых фондов велось «по принципу количества скота в новых государственных образованиях», вопреки постановлению Средазбюро, стремившегося сохранить контроль над ними. Ташкентский конезавод остался «достоянием Средне-Азиатской Республики», но должен был обслуживать все республики и области, включая Казахстан, при его участии в управлении заводом. В постановление по предложению М. И. Калинина был включен пункт о необходимости и неуклонном проведении в жизнь всемерного обеспечения «как экономических, так и бытовых интересов национальных меньшинств (русских, киргиз и пр.), образуя из них по мере возможности автономные административные единицы в составе национальных республик» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 455. Л. 7, 10–11, 12].

17 октября совещание ответработников КАССР в Москве приняло решение о переводе столицы в Чимкент, направив протокол в Оргбюро ЦК РКП(б). Председатель ЦСНХ КАССР М. Саматов в докладе о центре автономии обратил внимание на экономические и организационные факторы размещения центра, предложив таковым Актюбинск. Ходжанов был за немедленный переезд в Чимкент, поскольку было очевидно, что республика будет жить не промышленностью, а сельским хозяйством, для вывоза продукции которого нужны торговые пути, а «инициатива по организации местного хозяйства должна принадлежать местам лишь под директивным руководством центра». На вопрос Авдеева о наличии помещений в Чимкенте Ходжанов не ответил, что вызвало его критику:

Ходжанов никаких сведений о Чимкенте не хочет давать. Практически в Чимкенте могут въехать не более 750 человек. Принципиально против Чимкента нельзя возражать. Киргиз в Чимкенте всего 8 %. Практически надо... вопрос о переезде решать в зависимости от материальных возможностей.

Досов заметил, что пока нет ни одного города, который мог бы сразу стать административным центром, но по экономическим соображениям поддержал выбор Чимкента, как и Кулумбетов, который считал, что именно юг способен сделать республику национальной. Осторожный Мендешев высказался за Перовск:

Ходжанов говорит, что национальный вопрос – тактический вопрос. А, с другой стороны, он клонит к национальному обособлению киргиз. Концы с концами как-то не сходятся... Если центр будет в Чимкенте, то в течение ближайших 10–20 лет мы будем обслуживать лишь южные районы. От остальных киргизских районов мы оторвемся.

Его поддержал Киселев:

Никто цифр не привел, поэтому трудно решить вопрос. По Ходжанову выходит – обособляйся от русских, выселяй часть русских. Так не годится. На первый взгляд, Перовск больше подходит, туда и надо переезжать, но постепенно.

Ходжанов обвинил оппонентов в намерении оттянуть время выезда из Оренбурга, на что Мендешев предложил «в качестве центра наметить город Перовск для того, чтобы иметь возможность скорее туда переехать». В итоге голосованием был избран Чимкент, поддержано было и предложение о выделении трех регионов автономии. В сопроводительном письме в ЦК указывалось: «Доныне Кирреспублика не была Киргизской национальной республикой и не располагала внутри благоприятными для этого условиями». Размежевание должно было завершиться ее организационным оформлением. К тому же, «вопросы о центре КССР и о форме управления с самого начала существования КССР ставились как вопросы жизни и смерти Кирреспублики как национальной республики». В ходе совещания его участники предлагали в качестве столицы также Актюбинск и Перовск (Ак-Мечеть). Как возможные центры рассматривались еще Аулие-Ата, Казалинск, Алма-Ата. Мотивы сводились к следующему:

В Киргизии ныне застойная атмосфера, и перелома без перенесения центра не создать. Туркестан и Восточную Киргизию никогда невозможно подчинить Оренбургу. Группировки кирработников обусловлены партийной общественной бесконтрольностью, межнациональной враждой, чуждостью Оренбурга для Киргизии и отдаленностью киргизских масс. Без перенесения центра этого не ликвидировать.

Националы опять предлагали, помимо Кара-Калпакской автономной области, обеспечить единство автономии «во всех отношениях и условия путей сообщения», насильственно не централизовать, а «развивать инициативу и жизнь на местах, направляя дальнейшее развитие к объединению и к созданию единой во всех отношениях Киргизской национальной республики» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 683. Л. 65, 57, 63–64].

Одновременно лидеры Казахстана, «потеряв надежды» на Ташкент, пытались все же явочным порядком с согласия центра закрепить там, для чего просили предоставить «квартиры для центральных учреждений своей республики» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 430. Л. 23; Д. 455. Л. 8. Д. 430. Л. 23; Д. 739. Л. 174; ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос, кн. 1, с. 221, 238]. 23 октября Политбюро рассмотрело вопрос о районировании КАССР и постановило подготовить специальное письмо парторганизации республики «о характере ее дальнейшей работы». Вопрос о местонахождении центра был передан на предварительное обсуждение Киробкома. Ходжанов 5 ноября 1924 г. обратился к Сталину:

Вопрос о центре Киргизии отпал почти окончательно. Разногласие в Москве превратилось в безгласие в Оренбурге. Необходимо внушить сверху в более определенных выражениях необходимость создания Киргизского центр[ального] города [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 457. Л. 25–26; Оп. 84. Д. 721. Л. 1].

В декабре бюро Киробкома решило оставить столицу в Оренбурге, включив Тургайскую область в состав Оренбургской [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 466. Л. 47, 50; Д. 474. Л. 61]². Мендешев обратился в ЦК: так «обкиргизить» Оренбург и губернскую организацию не удастся, а оставление центра в русском городе не поможет распространить влияние на казахские массы в целом и управлять весьма отдаленными районами бывшего Туркестана, включенными в КАССР. С переносом же столицы из Оренбурга, убеждал он, «тяжесть работы по управлению и строительству КССР почти целиком перейдет киргизской части нашей партии», несмотря на ее относительную слабость в сравнении с пролетарскими русскими организациями. Он признавал необходимость значительных средств для технического оборудования и застройки другого города как нового центра, предлагая действовать в этом смысле постепенно. Семипалатинск как столицу Мендешев считал негодным «ни с какой точки зрения», а вот Ак-Мечеть занимает «сравнительно центральное положение» на линии Ташкентской

² 4 декабря 1924 г. Политбюро по предложению И. В. Сталина поддержало просьбу Киробкома и секретаря Средазбюро ЦК РКП(б) И. А. Зеленского о выделении 600 тыс. руб. вместо 980 «для образования центра туркестанских областей в Чимкенте». Средства выделялись «из предполагаемого на нужды остальных национальностей 5-миллионного фонда» на дополнительную помощь в сферах народного образования, здравоохранения, агрономических мероприятий, укрепления низового советского аппарата [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 474. Л. 61].

железной дороги, связан с разными регионами, в том числе караванными путями, имеет моноэтническое население, лучшее обустройство, возможности для культурного земледелия, горнорудной и рыбной промышленности, обеспечения топливом (саксаул) [ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос, кн. 1, с. 252–255].

26 января 1925 г. на пленуме Всекиргизской КК РКП(б) основной вклад в решение вопроса внес Н. И. Ежов. Он заявил: «...мы переедем по линии Т. Ж. Д.³, скажу прямо, в Перовск, здесь и должна будет группироваться будущая Киргизская Республика», – но считал переезд преждевременным. Комиссия категорически выступила против перевода центра в Перовск или Чимкент. Это, считал Ежов,

...может привести к фактическому упадку политического и экономического развития КССР, поскольку правительство и все высшие советские и партийные органы будут находиться в чуждом идеологически (буржуазном и байском) окружении, без какого-либо влияния экономической и пролетарской базы.

Столица КАССР все же была перенесена в г. Ак-Мечеть (до 1922 г. Перовск). Официальное объяснение состояло в том, что вопрос о центре республики неизменно сохранялся с 1920 г. Оренбург не отвечал этой миссии «как центр лишь северо-западной, главным образом русской части КССР». После размежевания роль и назначение центра он уже совсем не мог исполнять, так как требовалось приближение к «широким массам коренного населения» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 67. Д. 82. Л. 215; 5 лет Казакстана, с. 21; К IV съезду РКП(б), с. 24].

Ежов заявил также, что вопрос о районировании никого в практическом смысле не интересует, а политический смысл его связан с переносом центра борьбы «с национальной вражды на борьбу классовую». В ходе размежевания столкновения перестанут быть внешними и станут внутренними, и теперь «о присоединении КССР к среднеазиатским владениям никто не говорит». Однако экономические связи южных и восточных областей отменить нельзя, нужны некие промежуточные формы.

Надо, товарищи, говорить правду, а именно – Киргизия – не национальность, как национальность она еще не сформировалась и стоит пока на переходном пути к национальности... Но если мы поставим вопрос в разрезе не национальном, а классовом, то тогда перенесение центра в южные губернии ни в коем случае не целесообразно. Держать ставку на кочующих киргиз нельзя. Надо искать других путей.

Ежов считал, что «попытка стянуть Киргизию к кочевому району неверна» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 67. Д. 82. Л. 214–215].

³ Ташкентская железная дорога.

Оренбургский губком попросил ЦК РКП(б) выделить Оренбургскую губернию непосредственно в состав РСФСР еще до предстоящего переноса столицы Казахстана, так как «в самом начале организации краевой власти в Оренбурге... возникли уже недоразумения и трения (лучшие здания, работники, перевод губернских учреждений в краевые). В общем, последняя фактически создавалась за счет Оренбургской губернии». Оренбургское начальство лишалось также контроля над предприятиями («50 % общего числа краевых предприятий – оренбургские»), но «краевые органы... сознательно ослабляли ее экономико-хозяйственную мощь», значительная доля губернского бюджета и все излишки по единому сельхозналогу поступали в автономию [цит. по: Косач, с. 130]. Сторонник сохранения за городом статуса столицы секретарь Киробкома В. Нанейшвили считал, что «товарищи оренбуржцы» проявили себя не меньшими националистами, чем казахские лидеры. Он писал:

Товарищи оренбуржцы хотят стать большой губернией, но они не учитывают своих сил и качеств своего аппарата, советского и партийного, актив оренбургской организации настолько слаб и политически не выдержан, что руководить губернией он не может.

При поддержке Госплана СССР, Наркомздрава РСФСР и некоторых членов ЦК партии они пытались оставить в своем распоряжении три конезавода [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 31. Д. 24. Л. 25].

Каганович же советовал «ближе подойти к Оренбургской парторганизации... несмотря на некоторые уклоны в области национальной политики... последняя является все же в Кирреспублике наиболее пролетарским центром и имеет определенный вес в краевой организации». Одновременно он просил Нанейшвили «в ближайшее время сообщить свое мнение о перенесении центра Кирреспублики в другой район: в каком положении находится вопрос, и какие мнения существуют по этому вопросу» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 683. Л. 57].

9 марта 1925 г. Оргбюро ЦК РКП(б) рассмотрело вопрос о выделении Оренбургской губернии из состава КАССР. Киробком не возражал в принципе, но предлагал учитывать, что Оренбург является столицей и резиденцией правительства, размещения всех краевых культурно-просветительных учреждений, «средоточием руководства экономической жизни» автономии. На обустройство краевых учреждений затрачены крупные средства, Ак-Мечеть же «не оборудована». Киробком признал решение оренбуржцев «преждевременным, исходящим из неполного учета общих интересов КССР», а их самоустранение от реорганизации КАССР – «бьющим по культуре и экономике края». 13 марта секретариат ЦК РКП(б) принял предложение Киробкома «предрешить вопрос о выделении Оренбургской губернии из состава КССР в состав РСФСР после выезда Кирцентра в Перовск». 17 марта Ходжанов сообщил главе Орграспреотдела ЦК Н. К. Антипову:

Положение осложняется. Необходимо принципиальное решение [о] выделении Оренбургской губернии ускорить. Вопросы [о] границах вне Оренбургской губернии недопустимы. Старая граница Европы [и] Азии – река Урал.

21 марта нарком внутренних дел РСФСР А. Г. Белобородов в секретном обращении в ЦК и Сталину сообщил о крайней желательности провести вопрос на Всеказахском съезде Советов «по инициативе киргизских работников, т. к. постановка этого вопроса со стороны центральных органов РСФСР политически нецелесообразна» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 645. Л. 219, 221; Д. 651. Л. 163, 164].

2 апреля 1925 г. Политбюро поручило Президиуму ВЦИК создать комиссию по размежеванию Оренбургской губернии и КАССР, 6 апреля Оренбургская губерния была выделена из состава Казахстана, что отвечало объективным социально-экономическим и политическим условиям. После «выезда киргизских органов» Оренбургская губерния передавалась под непосредственное руководство ЦК РКП(б). 2 апреля было решено восстановить кредит «на переезд в г. Чимкент» в 600 тыс. руб., из которого оплачивались другие расходы; передать КАССР рыбную промышленность Аральского моря, Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи как уголья краевого значения и выделить особый долгосрочный кредит для ее восстановления на Арале [ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос, кн. 1, с. 255; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 484. Л. 52]. 5 июня Секретариат ЦК рассмотрел резолюцию Киробкома «По докладу т. Мендешева о национальном размежевании Средней Азии». Он считал, что если задача создания новых республик с однородным национальным составом легко выполнима в отношении узбеков и туркмен, то для казахов и киргизов она оказалась «чрезвычайно сложной». Обширность КАССР, разбросанность и пестрота национального состава, отсутствие городов с коренным населением были главными препятствиями. Вопрос о Казахстане «как о национальной республике» не мог и не может быть решен без пересмотра границ, чтобы установить основное территориальное ядро автономии и центр экономического тяготения национальных масс. В Средней Азии размежевание служит поворотным пунктом в жизни отсталых народов, а для Казахстана – «фундаментом консолидации киргизской государственности и окончательного парализования остатков влияния царско-колониального режима». Подчеркивалось «огромное значение» южной части Сыр-Дарьинской области как одной из основных культурных и экономических баз для казахов, «сугубое внимание» обращалось на решение спорных территориальных вопросов в Ташкентском и Мирзачульском уездах. Киробком считал, что КАССР в новых границах по территории и численности населения, экономическому и политическому значению (граница с Китаем) не уступает среднеазиатским республикам и должна наравне с ними «войти в состав СССР как независимая республика, на договорен-

ных началах». Совершенно невозможным считалось пребывание центра в Оренбурге, и выражалась просьба к ЦК передать Ташкент «под центр» республики. Тут же признавались «справедливыми требования узбеков относительно старого города Ташкента», но тогда – «с передачей нового города КССР». Киробком предлагал выделить бухарских казахов в автономную область в составе УзССР, образовать Каракалпакскую автономную область, пересмотреть вопрос о других спорных районах и экономических вопросах [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 668. Л. 87–88]. Требования о повышении статуса автономии, как показало развитие событий, центр счел чрезмерными.

Эти же вопросы подняли в «докладной записке о национальном размежевании Средней Азии» 12 представителей КАССР и казахских областей Туркестана. Они обвиняли Средзабюро в полном игнорировании интересов казахского населения региона, в том числе в Бухарской Республике. Оно «умудрилось доказать принадлежность г. Ташкента узбекам», забронировать за ними «самые культурные, самые ценные» волости рядом с городом, населенные казахами и принципиально связанные с Сыр-Дарьинской областью. Это рассценивалось как прямое насилие и явное игнорирование интересов «киргизской нации и киргизской государственности». Настоятельное ходатайство заключалось в пересмотре решения о Ташкенте и районах с казахским населением вокруг него и в Бухарской Республике, передаче Каракалпакии Шураханского уезда с г. Турткулем. Предлагалось обновить Средазбюро, «изгладив преобладание одной национальности, и допустить киргизского представителя в состав бюро». В ходе размежевания в КАССР вошли часть Сырдарьинской и Джетысуйской (Семиреченской) области, шесть волостей Джизакского уезда Самаркандской области. В границах КАССР была образована Каракалпакская автономная область [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 952. Л. 97–102; Разгон].

16 июня бюро Казкрайкома подтвердило намерение отстаивать свои позиции перед центром. Крайком полагал требовать передачи из Оренбурга одного из четырех кинотеатров с оборудованием для Кызыл-Орды, центральной библиотеки, пропорционального распределения племсостава конезаводов, в зависимости от потребности – гидротехнического имущества. В КАССР должны были войти Тургайская область в ее границах до 1917 г., территория Кустанайской и Актюбинской губерний, районы Оренбургской по границе с рекой Урал, за исключением казахских станиц левобережья. В свою очередь, ответсекретарь Оренбургского губкома партии П. М. Чельшев 26 июня писал В. М. Молотову, что негативная реакция оренбуржцев спровоцирована стремлением казахского руководства «все забирать и увозить, не считаясь с интересами Оренбурга», считать «царско-колониаторским» предложение присоединить к губернии некоторые районы с доминирующим русским населением. Серьезным вопросом Чельшев считал стремление казахстанцев, несмотря на отъезд,

остаться «гегемонами», сохранив за собой мельницы, соляные, золотодобывающие и другие предприятия. По его просьбе в город был направлен ответинструктор ЦК [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 674. Л. 148–149; Д. 684. Л. 184–186].

Из новой столицы руководители КАССР еще пытались сохранить за собой ресурсы Оренбурга. Как писал ответинструктор ЦК Э. М. Меднэ, Илецкий соляной рудник был оставлен за губернией, но его правление получило из Кызыл-Орды приказ заменить 300 русских рабочих казахами, а число русских на руднике довести до 50. Выезжая из Оренбурга, КирЦИК постановил вернуть значительную часть национализированных домов прежним владельцам, половину коих составляли крупные здания, что затруднило работу местных организаций. Проверяющий делал вывод:

Этот жест местные товарищи называют амнистией буржуазии. Будучи в Оренбурге, как партийный, так и советский центр Киргизии действовали помимо губернских органов, не руководили ими, а командовали.

8 сентября 1925 г. на совещании комиссии по советскому строительству в национальных областях и республиках при Оргбюро ЦК РКП(б) бывший ответсекретарь ЦК КПТ И. М. Варейкис заметил:

Сейчас... у них родовая автономия. Они считают необходимым создать нечто вроде родового административного деления областей. Это для Туркестана, может быть, и реально, для Киргизии это вопрос спорный. <...>. ...Доходит до самоопределения по родовому признаку... значит, из этого ничего не выйдет [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 67. Д. 85. Л. 16–17; Оп. 112. Д. 700. Л. 59–60, 74; Оп. 68. Д. 188. Л. 26].

9 апреля Политбюро опросом приняло предложения о кредите для строительства центра КАССР, поручив СНК РСФСР в трехдневный срок выделить кредит «на созыв Киргизского съезда Советов», в недельный – «на переброску учреждений из Оренбурга в Ак-Мечеть и на ремонт необходимых зданий» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 67. Д. 82. Л. 215; Оп. 163. Д. 484. Л. 52; Д. 483. Л. 41]. 21 мая Политбюро утвердило меры по строительству Ак-Мечети с участием средств союзного бюджета на сооружение зданий правительственных, партийных и прочих учреждений и жилья «для абсолютно необходимого минимального количества служащих». 2 апреля решено было восстановить кредит «на переезд в г. Чимкент» в 600 тыс. руб., из которого оплачивались другие расходы; передать рыбную промышленность Аральского моря, Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи в КАССР как угожья краевого значения и выделить особый долгосрочный кредит для ее восстановления на Арале [ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос, кн. 1, с. 255; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 484. Л. 52]. Как считал Ходжанов, «смысл переноса центра в Ак-Мечеть заключается не в квартирном удобстве

в нем, а в желании заложить непременно собственно киргизский центр» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 6. Л. 146].

Условия труда и быт номенклатуры ухудшились. Семья Ходжанова после ограбления осталась без зимних вещей и утвари [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 714. Л. 224–225]. Любопытными наблюдениями о новой столице поделился в письме А. М. Горькому в октябре 1925 г. Вс. Иванов:

Совнарком их из Оренбурга переехал в Алаш-Орду, городок такой был Перовск. Раньше в нем населения было 5 тысяч, а теперь с Совнаркомом 25, и на человека полагается 1½ кв. аршина площади жилья. Днем работают, а ночью в комиссариатах спят. Самый большой дом в столице этой был сумасшедший дом. Двухэтажный и кирпичный. Там теперь Совнарком, а в комнате секретаря Совнаркома (была раньше для буйно помешанных) со стен еще не сняли войлок. Так и секретарь принимает [Иванов, с. 322]⁴.

Предельный лимит ставки 1-го разряда для управленцев был установлен в 12 руб., и «он выдерживался до переезда в Кзыл-Орду всеми политруководителями краевых органов». После переноса столицы «климат, неналаженность культурных сторон жизни и пр.» заставили обходить прежние установки с повышением ставки 1-го разряда до 15–18 руб. для служащих госбанка, промбанка, хлебопродукта, внешторга, госстраха и др., которые заключили генеральные коллективные договоры в Москве. Для краевых органов Наркомтруд КАССР директив из центра не имел. Как писал в ЦК Ф. И. Голощекин, «условия жизни в Кзыл-Орде пока значительно хуже во всех отношениях по сравнению с Оренбургом, и имеется тенденция у отдельных сотрудников лучшей квалификации уехать под тем или иным предлогом». Он просил повысить лимит, так как крайком уже принял решение повысить зарплату до 15 руб., в губерниях она оставалась 12 руб., в Каракалпакии Голощекин просил подтвердить фактический лимит в 21 руб., утвержденный ранее [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 67. Д. 82. Л. 35–36].

В ранее уездном городке «пришлось приспособлять под учреждения и квартиры сотрудников разваливающиеся сараи, кухни, бани», выселять часть жителей. В городе не было электричества, кроме кинотеатра. 17 июля 1925 г. правительственный поезд прибыл в Кзыл-Орду, в сентябре началось сооружение 50 зданий, в том числе 15 жилых домов по специальным типовым проектам. Древесина, цемент и стекло поступали с перебоями, кирпич доставляли на верблюдах местные артели. Приходилось сокращать расходы за счет объединения для соседних домов туалетов, колодцев и хозпостроек, снятия фундаментов в подсобных сооружениях. В августе были закуплены

⁴ Он называет Кзыл-Орду Алаш-Ордой, отражая связанный с движением Алаш и ставший почти нарицательным политический штамп.

22 уличных керосиновых фонаря и 400 домовых ламп, учреждена должность квартального старосты для наблюдения за чистотой улиц. Владельцы домов и торговых палаток обязывались мостить улицы. Единственная водокачка не могла обеспечить город, в арыки сливали нечистоты и мусор, из них же поили скот, брали воду для строительства. Вдобавок к осени возник банный кризис (билеты продавались за два дня до помывки), начались перебои с мукой и хлебом из-за отсутствия мукомольни и задержки поставок из Оренбурга. К 1926 г. в Кызыл-Орде построили 29 зданий [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 6. Л. 146; Жалмагамбетов].

В столице предстояло разместить 83 учреждения и 1081 сотрудника, для семей из трех человек при норме в 2 кв. сажени⁵ на члена семьи и 550 имевших право на дополнительную жилплощадь требовалось 10288 кв. саженей. В итоге «пришлось бы на одного человека 0,80 кв. саж.», поэтому под жилье приспособлялись амбары, кладовые и торговые помещения. Госучреждения заняли восемь школ, из четырех интернатов осталось два, и те перевели за город в непригодные здания, школы не работали вовсе. «Быстрый рост населения города значительно превышал темп строительства». В 1926 г. центр сократил производственную программу до 1 млн руб., и строительство здания правительства так и не было начато. Ирригационная сеть была проведена неграмотно: из-за отсутствия сбросов создавался очаг малярийной инфекции. «Лошадиный транспорт... большая роскошь в Кызыл-Орде», – свидетельствовал один из руководителей [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 6. Л. 146; Чиликова, 1995].

12 и 22 октября 1925 г. Оргбюро и Политбюро ЦК ВКП(б) решили «для приведения Кызыл-Орды в культурный благоустроенный административный центр Казахстана» выделить необходимые ассигнования; командировать специалистов для «организации госаппарата»; «учитывая особые климатические условия и дороговизну жизни, допустить оплату специалистов по повышенным окладам» по сравнению с остальными местностями КАССР; передать в бюджет автономии в порядке исключения прибыли торгово-заготовительных организаций центральных органов, работавших там [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 700. Л. 3–4; Оп. 163. Д. 511. Л. 44–45].

Но в марте 1927 г. в связи с трудными экономическими и естественно-историческими условиями, а также строительством Турксиба было принято решение о переносе столицы в Алма-Ату. Чуть позже Казкрайком констатировал поспешность переезда в Кызыл-Орду без учета объективных трудностей, главными виновниками срыва были названы председатель технической комиссии СНК КАССР по переносу столицы А. Кенжин и глава СНК Н. Нурмаков [Чиликова, 1995]. В марте 1928 г. Политбюро констатировало «явно недостаточное руководство со стороны партийных организаций, в частнос-

⁵ 1 сажень равна примерно 2 м.

ти, крайкома, советской и хозяйственной работой», вследствие чего ассигнованные центром кредиты на сельское хозяйство и строительство Кызыл-Орды «нередко использовались нераационально, а иногда в полном противоречии с указаниями центра». Особо подчеркивалось, что Турксиб обязательно должен «пройти через Алма-Ату» [КПСС и Советское правительство о Казахстане, с. 90–94; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 679. Л. 10, 13]. Власти учли неудачный опыт: американцы «готовятся к строительству год, а строят в течение двух месяцев. Мы готовимся к строительству два месяца, строим год, а потом всю жизнь выстроенное перестраиваем, если оно совсем не разваливается». Переезд не раз переносился, в 1927 г. строительный сезон пропустили [Как Алма-Ата стала столицей].

2 августа СНК РСФСР постановил к февралю 1929 г. организовать переезд в Алма-Ату, чтобы быстрее укомплектовать аппарат квалифицированными силами, особенно для форсирования хозяйственного строительства и Турксиба. Голощекин призывал, чтобы «в Казахстане жили ответственные лица, чтобы он не являлся проходным двором, чтобы можно было учить детей, иметь культурные учреждения» [КПСС и Советское правительство о Казахстане, с. 99; Известия Казахстан, 2004, 21 авг.]. Но в условиях форсированной индустриализации социальные проблемы отодвигались. Первый секретарь ЦК Компартии Л. И. Мирзоян писал Кагановичу:

Ужас, что из себя представляет Алма-Ата! Это паршивенькая деревенька и, конечно, в несколько раз хуже любой северокавказской станции... народу жить негде, работники разбегаются. Света нет... ни одной новой больницы не построено, нет квалифицированных медиков... Резко бросается в глаза огромная оборванность большинства населения [цит. по: Комсомольская правда Казахстан, 2006, 21 авг.].

Мирзоян поселился в особняке бывшего владельца сапожных мастерских, на время ему предоставили имущество на 19 тыс. руб. Партработники рангом ниже получали госимущество на 3–7 тыс. руб. Первый секретарь горкома П. В. Брикульс и глава горсовета М. Н. Сарумов жили в двухэтажном каркасно-камышитовом доме с коридорной системой, печным отоплением и безо всяких удобств [Чиликова, 2005, с. 82].

Столичный статус стимулировал рост населения и обострил жилищный кризис. В КАССР в 1933 г. было 57 городов и рабочих поселков. В 1928–1929 гг. в автономии на одного человека приходилось 4,1 м² жилья, к 1933 г. – 2,7 м², в Алма-Ате – 1,7 м². Суточная норма воды на человека в 1934 г. была мизерная – 3,3 л. ВЦИК в 1931 г. предложил обязательно установить прямую связь с Москвой по телеграфу и по телефону. К 1931 г. предстояло провести реконструкцию и форсированное развитие городского хозяйства, во всех районах открыть почтовые предприятия основного вида, ввести телеграфную связь на казахском языке [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1290. Л. 166;

ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 125. Д. 25. Л. 78; Известия Казахстан, 2004, 21 авг.]. По инициативе Мирзояна были приняты решения о строительстве жилья с центральным отоплением, зданий для вузов, звукового кино, театров, гостиниц с общежитиями [Чиликова, 2013]. К 1933 г. появились радиостанция, водопровод и канализация, 12 школ, два кинотеатра, четыре бани, три гостиницы, четыре парка. Трамваи, троллейбусы, автобусы и железная дорога соединили части столицы и прилегающих районов. За 1926–1939 гг. население Алма-Аты выросло с 45 395 до 230 503 жителей [Комсомольская правда Казахстан, 2014, 29 мая – 5 июня].

Для Москвы локализация административного центра Казахстана выступала неотъемлемой частью общегосударственных мер политики национального самоопределения, обеспечения управляемости и работоспособности аппарата власти, баланса хозяйственной специализации и укрепления экономических связей регионов, предотвращения рисков межэтнических конфликтов (особенно в связи с борьбой за Ташкент). Она служила и демонстрации укрепляющегося доверия между Москвой и автономией в лице ее лидеров, а также репрезентации национальной столицы как средоточия традиционных этнокультурных ценностей в их социалистической «упаковке». Импровизационный компонент в истории столиц Казахстана, интересы реализации общегосударственного советского проекта пересекались с сильным давлением этносоциальных факторов и конъюнктуры внутриэлитного соперничества казахских руководителей.

Список литературы

Аканов К. Г. История столиц Казахстана в XX веке: опыт создания, передислокации и вопросы нацстроительства : дис. ... докт. философии (PhD). Нур-Султан : [Б. и.], 2019. 178 с.

Аманжолова Д. А. Советский проект в Казахстане: власть и этничность. 1920–1930-е гг. М. ; СПб. : Ин-т рос. истории РАН : Центр гуманитар. инициатив, 2019. 480 с.

Вехи консолидации. Из опыта партийных организаций Казахстана в решении национального вопроса в 1917–1927 гг. : (К 70-летию Компартии Казахстана) : сб. док. Алма-Ата : Казахстан, 1990. 232 с.

ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 94. Д. 582; Оп. 125. Д. 25.

Жалмагамбетов Е. А. Из истории строительства столицы Казахстана города Кызылорды: первый опыт и ход строительства // Вестн. КазНПУ. 2013. № 2 (37). С. 173–180.

Иванов Вс. Тайное тайных. М. : Наука, 2012. 566 с.

Известия Казахстан. Алматы. 2004. 21 авг.

Как Алма-Ата стала столицей // Очерки истории Алматы : [сайт]. URL: <http://verpoue-almaty.kz/others/stol.shtml> (дата обращения: 12.11.2019).

Комсомольская правда Казахстан. 2004. 29 мая – 5 июня; 21 авг.

Косач Г. Г. «Государственный» город и национальные автономии : Оренбург в первые советские годы // Вестн. Евразии. 2002. № 2. С. 100–135.

КПСС и Советское правительство о Казахстане. 1917–1977 гг. : сб. док. и материалов. Алма-Ата : Казахстан, 1978. 394 с.

К IV съезду РКП(б). 1. От XIII к XIV съезду (к организационному отчету). 2. Отчеты отделов ЦК РКП(б). М. ; Л. : Гос. изд-во, 1925. 227 с.

Любичанковский С. В., Аканов К. Г. Оренбург в истории интеграции Казахской степи в состав Российской империи : XVIII – начало XX в. // Былые годы : Рос. ист. журн. 2018. № 48 (2). С. 484–495. DOI 10.13187/bg.2018.2.484.

5 лет Казакстана (1920–1925) : юбилейный сб. Кызыл-Орда : ЦИК Казакской АССР, 1925. 72 с.

Разгон Н. И. К вопросу о размежевании Алтайской губернии и Казахстана // Центральная Азия и Сибирь : первые науч. чтения памяти Е. М. Залкинда. 14 мая 2003 г. / отв. ред. В. А. Моисеев. Барнаул : Азбука, 2003. С. 210–218.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 679; Оп. 21. Д. 1290; Оп. 25. Д. 6; Оп. 31. Д. 24; Оп. 67. Д. 82, 85; Оп. 68. Д. 188; Оп. 84. Д. 683, 721, 739, 952; Оп. 86. Д. 24; Оп. 112. Д. 566, 645, 651, 668, 674, 684, 700, 714; Оп. 163. Д. 395, 430, 455, 457, 466, 474, 483, 484, 511, 739; Оп. 171. Д. 365.

ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос : в 2 кн. / сост. Л. С. Гагагова, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. М. : РОССПЭН, 2005. Кн. 1. 1918–1933 гг. 785 с.

Чиликова Е. Стирая архивную пыль : Оренбург – Кызыл-Орда – Алматы // Мысль. 1995. № 10. С. 85–91.

Чиликова Е. В. Особенности быта партийных руководителей Казахстана в 20–30-е гг. XX столетия // Политическая история Казахстана: первая половина XX века. Алматы : Архив Президента РК, 2005. С. 80–90.

Чиликова Е. В. Образ южной столицы Казахстана в воспоминаниях ее жителей // Роль архива в современном обществе : материалы междунар. науч.-практ. конф. Алматы : [Б. и.], 2013. С. 215–223.

References

5 let Kazakhstana (1920–1925). Yubileinyi sbornik [5 Years of Kazakhstan (1920–1925). Jubilee Collection]. (1925). Kzul-Orda, Tsentral'nyi ispolnitel'nyi komitet Kazakskoi ASSR. 72 p.

Akanov, K. G. (2019). *Istoriya stolits Kazakhstana v XX veke: opyt sozdaniya, peredislokatsii i voprosy natsiostroitel'stva* [The History of the Capitals of Kazakhstan in the 20th Century: Experience of Creation, Relocation, and Issues of Nation-Building]. Dis. ... dokt. filosofii (PhD). Nur-Sultan, S. n. 178 p.

Amanzholova, D. A. (2019). *Sovetskii proekt v Kazakhstane: vlast' i etnichnost'. 1920–1930-e gg.* [The Soviet Project in Kazakhstan: Power and Ethnicity, 1920s–1930s]. Moscow, Institut rossiiskoi istorii RAN, Tsentr gumanitarnykh initsiativ. 480 p.

Chilikova, E. A. (1995). *Stiraya arkhivnuyu pyl'*. Orenburg – Kzul-Orda – Almaty [Erasing Archival Dust. Orenburg – Kzul-Orda – Almaty]. In *Mysl'*. No. 10, pp. 85–91.

Chilikova, E. V. (2005). *Osobennosti byta partiinykh rukovoditelei Kazakhstana v 20–30-e gg. XX stoletiya* [Features of the Life of Kazakhstan Party Leaders in the 1920s–1930s]. In *Politicheskaya istoriya Kazakhstana: pervaya polovina XX veka*. Almaty, Arkhiv Prezidenta Respubliki Kazakhstan, pp. 80–90.

Chilikova, E. V. (2013). *Obraz yuzhnoi stolitsy Kazakhstana v vospominaniyakh ee zhitelei* [The Image of the Southern Capital of Kazakhstan in the Memories of Its Residents]. In *Rol' arkhiva v sovremennom obshchestve. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Almaty, S. n., pp. 215–223.

GARF [State Archive of the Russian Federation]. Stock 1235. List 94. Dos. 582; List 125. Dos. 25.

Gatagova, L. S., Kosheleva, L. P., Rogovaya, L. A. (Eds.). (2005). *TsK RKP(b) – VKP(b) i natsional'nyi vopros v 2 kn.* [The Central Committee of the RCP(b) – the CPSU(b) and the National Question. 2 Books]. Moscow, ROSSPEN. Book 1. 1918–1933 gg. 785 p.

Ivanov, Vs. (2012). *Tainoe tainykh* [The Secret of Secrets]. Moscow, Nauka. 566 p.

Izvestiya-Kazakhstan [Izvestiya-Kazakhstan]. (2004). Almaty. August 21.

K IV s"ezdu RKP(b). 1. Ot XIII k XIV s"ezdu (k organizatsionnomu otchetu). 2. Otchetny otdelov TsK RKP(b) [For the 4th Congress of the RCP(b). 1. From the 13th to the 14th Congress (for the Organisational Report). 2. Reports of Departments of the Central Committee of the RCP(b)]. (1925). Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo. 227 p.

Kak Alma-Ata stala stolitsei [How Alma-Ata Became the Capital]. (N. d.). In *Ocherki istorii Almaty*. URL: <http://vernoye-almaty.kz/others/stol.shtml> (accessed: 12.11.2019).

Komsomol'skaya pravda Kazakhstan [*Komsomolskaya Pravda Kazakhstan*]. (2004). May 29 – June 5, August 21.

Kosach, G. G. (2002). “Gosudarstvennyi” gorod i natsional’nye avtonomii. Orenburg v pervye sovetskie gody [A “State” City and National Autonomies. Orenburg in the First Soviet Years]. In *Vestnik Evrazii*. No. 2, pp. 100–135.

KPSS i Sovetskoe pravitel'stvo o Kazakhstane. 1917–1977 gg. Sbornik dokumentov i materialov [The CPSU and the Soviet Government about Kazakhstan. 1917–1977. Collection of Documents and Materials]. (1978). Alma-Ata, Kazakhstan. 394 p.

Lyubichankovskiy, S. V., Akanov, K. G. (2018). Orenburg v istorii integratsii Kazakhskoi stepi v sostav Rossiiskoi imperii. XVIII – nachalo XX v. [Orenburg in the History of the Integration of Kazakh Steppe in the Russian Empire]. In *Bylye Gody. Rossiiskii istoricheskii zhurnal*. No. 48 (2), pp. 484–495. DOI 10.13187/bg.2018.2.484.

Razgon, N. I. (2003). K voprosu o razmezhevanii Altaiskoi gubernii i Kazakhstana [On the Issue of Dividing the Altai Province and Kazakhstan]. In Moiseev, V. A. (Ed.). *Tsentral'naya Aziya i Sibir'. Pervye nauchnye chteniya pamyati E. M. Zalkinda. 14 mya 2003 g.* Barnaul, Azbuka, pp. 210–218.

RGASPI [Russian State Archive of Socio-Political History]. Stock 17. List 3. Dos. 679; List 21. Dos. 1290; List 25. Dos. 6; List 31. Dos. 24; List 67. Dos. 82, 85; List 68. Dos. 188; List 84. Dos. 683, 721, 739, 952; List 86. Dos. 24; List 112. Dos. 566, 645, 651, 668, 674, 684, 700, 714; List 163. Dos. 395, 430, 455, 457, 466, 474, 483, 484, 511, 739; List 171. Dos. 365.

Vekhi konsolidatsii. Iz opyta partiinykh organizatsii Kazakhstana v reshenii natsional'nogo voprosa v 1917–1927 gg. (K 70-letiyu Kompartii Kazakhstana). Sbornik dokumentov [Milestones of Consolidation. From the Experience of Party Organisations in Kazakhstan in Solving the National Question in 1917–1927. (For the 70th Anniversary of the Communist Party of Kazakhstan). Collection of Documents]. Alma-Ata, Kazakhstan. 232 p.

Zhalmagambetov, E. A. (2013). Iz istorii stroitel'stva stolitsy Kazakhstana goroda Kyzylordy: pervyi opyt i khod stroitel'stva [From the History of the Construction of the Capital of Kazakhstan, the City of Kyzylorda: The First Experience and Progress in Construction]. In *Vestnik Kazakhskogo natsional'nogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 2 (37), pp. 173–180.

The article was submitted on 17.05.2020